

Я не раздумывая подвинула к ней подушку. Она тоже приблизилась, и моя левая рука коснулась её правой — в месте соприкосновения стало тепло. Я давно не спала с кормилицей, и теперь, почувствовав рядом человека под одеялом, ощутила что-то вроде близости. Те кормилицы были неуклюжими и немолодыми, кожа у них обвисла, да ещё они любили густо душиться — от этих ароматов мне становилось нехорошо. Госпожа Ян духами почти не пользовалась и была помоложе, но от неё всё равно веяло старческой усталостью, пусть и едва уловимой, и это омрачало настроение. Вэй Хуань же была другой. От неё всегда приятно пахло — лёгкий, едва уловимый аромат. Раньше в нём чувствовались травы, теперь же больше свежести, словно от молодой листвы. Этот запах, даже посреди лютой зимы, создавал ощущение, будто одна нога уже ступила в весну, где всё пробуждается, а мягкое солнце окутывает мир радостью жизни. И тепло её было иным. Кожа тех кормилиц, как и они сами, была дряхлой, увядающей, и жар от них шёл какой-то вялый. Даже когда я от них потела, мне всё равно не было по-настоящему тепло. От Вэй Хуань же жар ощущался на расстоянии — густой, согревающий, будто от маленькой печки, работающей на полную мощь. Мне захотелось обнять её, впитать это тепло — наверное, было бы приятнее, чем в горячем источнике. Разумеется, это была лишь мимолётная глупая мысль. Я не смела и не хотела так фамиллярничать с близким другом, особенно учитывая пропасть в нашем статусе и то, что она, возможно, всё ещё злилась.

Мы лежали тихо, оба понимая, что не спим. За дверью донёсся приглушённый обмен паролями — это гвардия цзинью проходила мимо моих покоев.

Вэй Хуань не выдержала первой, повернулась ко мне и спросила: «Что ты хотела сказать мне утром? Так серьёзно начала, но так и не договорила».

Теперь она была ближе, и её тепло ощущалось сильнее. Я не удержалась и слегка вытянула ногу, большим пальцем правой ноги едва коснувшись её ступни. Она не заметила и просто сказала: «Раз уж не спишь, рассказывай».

Я ответила: «Да ничего особенного. Просто... я случайно забрела в Зал государственных дел, а тот, кто меня туда привёл, исчез. Подозреваю, он сделал это нарочно. Ты лучше меня знаешь здешних людей — кто мог такое проверить?»

Вэй Хуань сказала: «Если это дело рук придворного служителя, то за ним должен стоять кто-то, кто управляет кадрами во дворце. Вариантов не много: Дворцовое управление, Департамент внутренних слуг или кто-то из приближённых её величества. Их величества прозорливы, и люди в их окружении вряд ли станут вредить тебе. А вот с Дворцовым управлением и Департаментом внутренних слуг не всё ясно. Тебе нужно расследовать тихо».

Я озадаченно вздохнула: «Хотелось бы поручить кому-то, но не хочу тревожить матушку».

Вэй Хуань наклонила голову, подумала и сказала: «Раньше с тобой была У Сяолан. Девушка сообразительная. Можешь по возвращении в столицу тайно поручить ей навести справки. И её сестру тоже можно подключить».

Я только сейчас вспомнила о Сяолан и улыбнулась: «У тебя всегда есть решение». Обрадовавшись, я невольно рванулась вперёд — хорошо, что рука успела смягчить удар, и я не стукнулась подбородком о неё. Но рука коснулась того, чего не должна была. Я поспешно отдернула её и смущённо пробормотала: «Прости».

Она не стала меня ругать, лишь покраснела: «Ничего... А как прошёл пир? Слышала, её величество тебя экзаменовала?»

Я была рада, что она сменила тему, и затараторила: «Да, целых три испытания!» — и красочно описала всё, что было на пиру, поблагодарив её за помощь с тем рассуждением.

Вэй Хуань, узнав, что я созналась матери, что работа не моя, покачала головой: «Эх, ты...» — и добавила:

— «Впредь не упоминай меня лишний раз перед её величеством. И не говори, что я за тебя писала».

Я пообещала: «Буду знать». Вспомнив три испытания, я не удержалась от восхищения: «Ода, которую сочинила женщина-чиновник Шангуань, и впрямь была прекрасна. Жаль, что ей пришлось уступить шестому князю и не дописать... А-Хуань?»

Вэй Хуань, подперев голову рукой и приподнявшись на локте, смотрела на меня: «Тайпин, скажи: если Шангуань Ваньэр так умна и действительно хотела уступить князю Цзи, почему бы ей просто не выбрать экзамен тецзин или не написать заурядную оду? Зачем уступать так очевидно?»

Её вопрос бросил меня в холодный пот.

Раз первое место было заранее отдано Ли Жую, Ваньэр никак не могла победить. Но её участие предложила сама матушка, да и Тяньхоу изволила заметить, что «образованность женщины-чиновника Шангуань не уступает этим мужам». Значит, Ваньэр не могла показать себя хуже них — иначе был бы подорван авторитет Тяньхоу, да и ей самой впредь было бы неловко перед учёными мужами. Выходит, матушка с самого начала поставила Ваньэр в безвыходное положение. Та это поняла и выбрала «незаконченность» как предлог. Однако, если вдуматься, её текст и так ясно показал превосходство над Ли Жуюем. Да и предлог «не дописала» я уже использовала до неё — у Ваньэр это могло выглядеть как намеренное соперничество с князем. До того как я попала в этот мир, мои познания о династии Тан ограничивались редкими сериалами и дворцовыми сплетнями. В тех вольных трактовках Шангуань Ваньэр была талантливой девицей, выросшей во дворце, обласканной У Цзэтянь и дожившей до правления её сыновей. В этой жизни я видела, как почтительна и покорна Ваньэр, как высоко её ценит матушка, и по глупости решила, что между ними царит полное согласие. Я совсем забыла, что её дед и отец погибли от рук матушки, что из-за неё сама Ваньэр с пелёнок была отдана в дворцовые служанки и влачила жалкое существование. Между ними — кровная вражда. Даже если её теперь возвысили, сделав цайжэнь, и доверяют важные дела, разве может в её сердце не остаться тени? Если она не самая преданная и проникательная служанка матери, если в душе таится ненависть... Передаёт ли она в точности то, что велела матушка, или привносит свои искажения? Те намерения, что она «угадывает», — действительно ли они не высказаны матушкой, но верно ею поняты, или же они — её собственные выдумки? Какие из её действий совершены по приказу, а какие — по её воле? Когда-то матушка, велев Ваньэр разъяснить мне «Хань-цзы», намекнула, что Ли Жую нельзя покидать дворец. Тогда я подумала, что это обычная профилактическая беседа с новой подчинённой. Теперь же понимаю: матушка не случайно завела этот разговор при Ваньэр. То, что Ли Жуй так легко узнал о передвижениях послов Туфань, так быстро нашёл сторонников, да ещё и не встретил возражений от своих чиновников, — едва ли дело лишь в его собственных способностях.

Я опомнилась и с горькой усмешкой сказала Вэй Хуань: «Вы все тут как с цепи сорвались — мыслите такими хитросплетениями».

Вэй Хуань сердито блеснула на меня глазами: «Она — из рода Тяньшуй, с какой стати ты меня

с ней равняешь? Говори о других, а меня оставь в покое».

Услышав о «родовой знатности», я вспомнила утреннюю перепалку и осторожно спросила: «А-Хуань, ты ведь... не из-за своего положения ли переживаешь?»

Её лицо мгновенно изменилось: «К чему это?» — и, видя, что я собираюсь продолжить, гордо подняла подбородок:

— «Молчи. Скажешь ещё слово — я уйду».

Мне пришлось замолчать и просто смотреть на неё. Под моим взглядом ей стало неловко, она поправила волосы у виска: «Чего уставилась?»

Я усмехнулась: «Ты говорить запрещаешь, а спать не хочется. Вот и смотрю, время коротаю».

Вэй Хуань резко опустила руку, легла на спину и закрыла глаза: «Как знаешь. Я сплю».

Я тоже перевернулась на спину и закрыла глаза: «Тогда и я сплю». Пролежав некоторое время, я по дыханию поняла, что она не спит. Я тихонько приоткрыла глаза и скосила взгляд в её сторону. И что же? Эта плутовка тоже смотрела на меня широко раскрытыми, ясными глазами. В полумраке все очертания были смутны, лишь её глаза сияли, словно ночные жемчужины.

Я вздрогнула: «Ты же спала!»

Вэй Хуань ответила: «Ты же тоже спала!»

<http://bllate.org/book/16278/1466073>